

Три других гостя, в отличие от Шан Хэна, были популярными звездами первой величины. Стоило им появиться в эфире, как лавина фанатов и зевак едва не обрушила серверы.

Организаторам пришлось срочно расширять пропускную способность, чтобы хоть как-то стабилизировать трансляцию.

С тех пор как Шан Хэн трижды попал в тренды благодаря своему образу «прорицателя», прошла всего неделя, но забывчивые пользователи Сети уже успели о нем позабыть.

К счастью, его незаурядная внешность врезалась в память, а преданные поклонники не жалели сил, рассказывая о нем в чате, что помогло вернуть внимание хотя бы части аудитории.

И все же по сравнению с остальными участниками просмотры на его стриме выглядели жалко — они не составляли и сотой доли их показателей.

Большую часть зрителей, помимо случайных прохожих, составляла молодежь.

Товары, которые достались Шан Хэну, за исключением еды, не пользовались спросом: книги, детские принадлежности и игрушки мало кого интересовали.

Да и покупательная способность его недавно собранной фан-базы оставляла желать лучшего.

В то же самое время в здании развлекательной компании «Заветная мечта» все было готово к началу первого отборочного тура шоу талантов.

Сестра Ли, едва доставив Шан Хэна в Международный выставочный центр, сразу же помчалась обратно. Новоиспеченные артисты под ее крылом доставляли сплошные хлопоты — ни одного спокойного.

Разве что Цзоу Тин, главный фаворит проекта, держался уверенно, пока остальные новички дрожали от страха. Он успел сделать еще несколько проколов в ушах и вставил серьги в виде коротких серебряных цепочек. При движении они покачивались, эффектно поблескивая в свете софитов.

— Эй, гляньте-ка! Благотворительный стрим идет уже бог знает сколько, а этот Шан Хэн топчется на месте. Вообще ничего продать не может!

— Вот именно. И не стыдно было выбивать у сестры Ли личный минивэн? Какой позор.

Цзоу Тин стоял у окна. Раздвинув пальцами ламели жалюзи, он окинул взглядом толпу репортеров внизу и усмехнулся:

— Шан Хэн глуп. Он думал примазаться к чужой славе, встав на одну сцену с титанами индустрии, но на него там никто даже не посмотрит. Его лимит везения исчерпан. Теперь наше время сиять.

Тем временем на благотворительном вечере разрыв по очкам между лидерами и плетущимся в самом хвосте Шан Хэном стремительно увеличивался. В чате его трансляции фанаты уже исходили криком от досады.

Сам же виновник переполоха сохранял абсолютное спокойствие. Выбрав наугад пачку из разложенных перед ним снеков, он вскрыл ее и принялся с аппетитом хрустеть, увлеченно беседуя с ведущим. Ел он так заразительно и вкусно, что слюнки текли даже через экран.

Пачка улетала за пачкой. Казалось, каждый вкус был верхом кулинарного блаженства. Зрители по ту сторону мониторов буквально ощущали этот манящий аромат, и чат мгновенно захлебнулся слюной.

«... Что происходит? Мне вдруг так захотелось есть...»

«Эх, когда смотришь, как ест такой красавчик, даже не знаешь, кого больше хочется — его или эти чипсы...»

«О, там целый подарочный набор снеков со скидкой сорок процентов! Надо брать про запас, еды много не бывает!»

Чат дружно переключился на обсуждение деликатесов. Трансляция наводнилась кулинарными советами и рекомендациями со всех уголков страны. Благотворительный марафон незаметно превратился в классический мукбанг.

Похоже, Шан Хэн окончательно махнул рукой на неликвидные книги и детские товары, сделав ставку исключительно на еду. И это сработало: его сиротливые показатели на табло медленно, но верно поползли вверх.

Вскоре объявили перерыв. Гости вернулись на главную сцену, где ведущий озвучил промежуточные результаты голосования и объявил начало пресс-подхода.

В кармане Шан Хэна тихо завибрировал телефон. Достав его, он скользнул взглядом по экрану. Сообщение от адвоката Жун Чжи было предельно кратким: «Они внутри».

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Время рассчитано идеально. Представление начинается.

Кульминации своего плана ему долго ждать не пришлось.

Пока внимание присутствующих в выставочном павильоне было приковано к сцене, у дверей съемочной площадки внезапно поднялся шум.

Крики становились все громче, заставив зрителей в зале недоуменно оглядываться.

Журналисты среагировали мгновенно, точно почуявшие кровь акулы. Самые хваткие из них успели прорваться к выходу раньше, чем туда подоспела охрана, на ходу наводя объективы.

У дверей толпа обступила немолодую пару — мужчину и женщину средних лет, явно супругов.

Мужчина, плотный и краснолицый, с толстой шеей, нацепил на грудь фальшивое удостоверение прессы. С его помощью он просочился в здание, но на входе в студию бдительные сотрудники раскусили обман и преградили ему путь.

Его спутница подготовилась куда основательнее: к ее воротнику был прикреплен миниатюрный петличный рупор. Ее визгливый, с надрывными рыданиями голос разносился по всему залу, перекрывая гул голосов:

—... Мы его из последних сил растили, во всем себе отказывали! Сами голодали, а ему лучший кусок отдавали! С утра до ночи на тяжелых работах спины гнули, только чтобы выучить его, на ноги поставить! С детства ни в чем отказа не знал! Захочет обновку — покупаем, а сами по десять лет в одном рванье ходили. Любил сладости — мы копейки считали, лишь бы дитяtko порадовать! А он?! Стоило ему на экранах засветиться да прославиться, как тут же нос задрал! Стал нас стыдиться, нищелблюдами старыми обзывать! Боится, видите ли, что мы его репутацию испортим, обузой станем. Родных отца с матерью знать не хочет!

Мать Шан выставила вперед свои темные, покрытые мозолями ладони прямо под прицелы камер. И хотя эти мозоли были нажиты за карточным столом, выглядели они весьма убедительно.

На скандал сбегалось все больше народу. Отец Шан, не отличавшийся умом, зато виртуозно умевший устраивать пьяные дебоши и качать права, пер буром. Супруги твердо решили устроить показательное выступление. Охрана не решалась применить силу под прицелом десятков объективов.

Один из репортеров в бейсболке, покосившись на двери павильона, сунул микрофон женщине под нос:

— Скажите, ваш старший сын — это один из участников сегодняшнего эфира?

— Да! — злобно выплюнула мать Шан, едва не сорвав голос. — Это Шан Хэн!

Имя «Шан Хэн» прозвучало настолько резко и громко, что микрофон зафонил. Звук разнесся по всему залу через динамики.

Зрители в зале начали шушукаться. Кое-кто из предприимчивых зевак уже записывал происходящее на телефоны, оперативно заливая видео в сеть.

— Что же именно совершил господин Шан, раз вы решились на такое публичное заявление? — допытывался другой журналист.

Дряблые щеки женщины затряслись от наигранной ярости:

— Мы влезли в долги, чтобы оплатить его учебу! Нам теперь жить не на что, дома шаром покати, младший сынишка от голода плачет! Пошли к нему, поклонились в ноги, попросили хоть немного денег — чисто проценты по долгам закрыть. А этот неблагодарный щенок мало того что ни копейки не дал, так еще и обматерил нас, отпинал и выставил за дверь! Заявил, что знать нас не хочет, и пригрозил полицией, если еще раз на глаза покажемся!

— Что? Да это же дикость какая-то!

— И как земля таких носит? Ну и тварь!

Толпа вокруг недовольно загудела. Слова женщины вызвали у присутствующих искреннее возмущение.

Сенсация! Пусть и грязная, но невероятно сочная. Да еще и в прямом эфире с участием самого виновника торжества. Сомнений не было: эта новость разорвет инфополе.

В социальных сетях лавинообразно нарастал гневный шквал. Обвинения в сыновней непочтительности и жестокости по отношению к родителям множились с каждой секундой. Пользователи быстро сообразили, что обвиняемый прямо сейчас находится в Международном выставочном центре.

Орды разгневанных пользователей хлынули на стрим Шан Хэна. Милый чат о еде был мгновенно стерт потоком проклятий и оскорблений. Виртуальный суд линча набирал обороты, готовый стереть парня в порошок.

В самом зале режиссер трансляции лихорадочно жестикулировал, требуя от службы безопасности немедленно убрать скандалистов. Эфир не должен пострадать.

В первом ряду партера, где сидели важные гости, отчетливо слышался доносившийся из

коридора шум. Разобрать слова было трудно, но стало ясно: дело касается Шан Хэна.

Гу Линь, нахмурившись, то и дело поглядывал на сцену. Шан Хэн держался невозмутимо, будто буря, бушующая за стенами студии, его вообще не касалась.

Фан Ян отхлебнул из чашки горячий чай и, лениво листая ленту новостей на светящемся экране смартфона, тихо заметил:

— Президент Гу, ваша канарейка, кажется, с гнильцой. Боюсь, после сегодняшнего вечера его карьера в шоу-бизнесе закончена.

— Какая еще канарейка? — холодно отрезал Гу Линь. — Выбирайте выражения, господин Фан.

Сидевший по правую руку от Фан Яна Вэнь Жуйюнь слегка повернул голову, переводя взгляд с одного собеседника на другого. Скользнув глазами по сообщению от секретаря У, он неторопливо произнес:

— Пока мы слышим лишь одну сторону. Не исключено, что у этой истории есть двойное дно.

Фан Ян внутренне напрягся, уловив в интонациях Вэнь Жуйюня неприкрытое желание защитить этого выскочку. Он резко повернулся к нему. Ладно Гу Линь — тот положил глаз на смазливое личико. Но Вэнь Жуйюнь? Он же видел Шан Хэна всего раз в жизни! С чего вдруг такая забота?

Вэнь Жуйюнь в ответ на его ошеломленный взгляд лишь безмятежно улыбнулся, словно его реплика была не более чем праздным замечанием.

Фан Ян промолчал, но его взгляд, направленный на сцену, заledenел. Пальцы с такой силой сжали корпус телефона, что побелели суставы. Он ненавидел саму фамилию Шан Хэна.

«Мой названный брат мертв уже два года. Зачем небеса подсунули мне этого клона? Чтобы он снова отобрал все, что принадлежит мне по праву?!»

Спустя мгновение Фан Ян разжал пальцы, быстро отыскал в контактах дружественное издательство и, набрав длинное сообщение, без колебаний нажал «Отправить».

Меньше чем через пять минут хэштег #ШанХэнНеблагодарныйСын взлетел на вершину трендов Weibo.

Под тегом моментально зароились сотни ботов, выплескивая тонны сфабрикованного компромата. Обвинения его приемных родителей обросли жуткими деталями, подливая масла в огонь и раздувая праведный гнев толпы.

Этот сокрушительный удар в спину стал той самой соломинкой, что ломает хребет верблюду. Сеть взорвалась.

На Шан Хэна вылили ушаты грязи. Каким бы красивым он ни был, клеймо предателя собственной семьи — это приговор. Из-под такого пресса не выбираются.

Оформленные ранее заказанные товары в его стриме начали массово отменять.

В агентстве «Заветная мечта» уже вовсю трубили тревогу. Сестра Ли, положив трубку, открыла комментарии и почувствовала, как земля уходит из-под ног. От такого клейма не отмыться ни при каких раскладах.

Тем временем охране наконец удалось выставить крикливую парочку за пределы выставочного комплекса. Но лавину было уже не остановить: сетевой шторм докатился до съемочной площадки.

Стоило Шан Хэну открыть рот, как в зале раздавался свист и недовольный гул. В режиссерской будке рвали на себе волосы, мечтая вообще убрать парня из кадра. Зачем только они связались с этим ходячим несчастьем!

Градус напряжения достиг предела, и один из журналистов в зале не выдержал. Прямо под прицелом работающих камер он выкрикнул:

— Господин Шан! Известно ли вам, что ваши родители прямо сейчас стоят у входа и обвиняют вас в жестоком обращении и отказе содержать их на старости лет? Господин Шан, прокомментируйте слухи о том, что вы отреклись от своей семьи из-за их бедности! Это правда?

Режиссер поначалу хотел прервать трансляцию на рекламу, но, взглянув на взлетевшие до небес рейтинги, решил повременить.

Шан Хэн вздрогнул. Он растерянно моргнул, словно не сразу осознав суть вопроса. Резкий свет софитов высветил его побледневшее лицо.

В одно мгновение юноша, весь вечер остававшийся в тени именитых гостей, оказался в эпицентре всеобщего внимания. Пусть и в роли главного злодея.

Взгляды, устремленные на него, дышали злобой, брезгливостью и злорадством. Они, казалось, прожигали его насквозь.

После затянувшейся паузы Шан Хэн наконец заговорил. Слова давались ему с видимым трудом:

— Да... Я действительно намерен разорвать все связи с родителями.

Зал ахнул. Поднялся неопиcуемый шум! Потоки гневных выкриков обрушились на него, грозя раздавить.

— Потому что, — Шан Хэн запнулся и опустил ресницы, словно признание причиняло ему невыносимую боль, — лишь недавно я узнал... Я им не родной сын.

На его губах заиграла горькая усмешка. Голос, усиленный микрофоном, эхом разнесся под сводами зала.

Очередной взрыв! Присутствующие застыли в оцепенении. Все объективы разом сфокусировались на лице юноши. Воцарилась мертвая тишина.

Шан Хэн опустил голову и потер глаза пальцами. Когда он снова посмотрел в камеру, его взгляд был затуманен слезами:

— Мама, папа... Я знаю, что вы сейчас смотрите этот эфир. В детстве я многого не понимал. Когда вы били меня, когда до крови рассекали мне руки бамбуковыми розгами, я думал, что сам во всем виноват. Думал, что просто недостаточно хорош для вас. Я лез из кожи вон, чтобы хорошо учиться и получать стипендию. Работал на трех работах, готовил, стирал... Я копил деньги, чтобы купить младшему брату игрушечную машинку, о которой он так мечтал. Но вы... вы все забирали и спускали в игорных домах.

Побой? Казино?

Публика окончательно запуталась в этих сюжетных виражах. Так кто же здесь жертва, а кто лжец?

Шан Хэн чуть нахмурился, его лицо выражало глубокое страдание:

— Я знал, что мы бедны. Когда долги прижали вас, вы несколько раз пытались меня продать. Но вас останавливало то, что я приносил в дом живые деньги от подработок. Тогда я не понимал: почему другие родители любят своих детей, а вы смотрите на меня с такой ненавистью и злобой? Теперь все встало на свои места. Я вам чужой. И вы меня никогда не любили.

Когда он дошел до самого болезненного, его губы задрожали, а в глазах блеснули слезы. Одна крупная слезинка застыла на ресницах, готовая вот-вот скатиться по щеке.

Он молча закатал рукава рубашки, обнажая руки. На бледной коже предплечий пестрели багрово-синие кровоподтеки и старые рубцы, покрывавшие тело густой сеткой. Страшно было представить, что скрывалось под остальной одеждой.

По залу пронесся тихий вздох ужаса. Некоторые женщины не смогли сдержать слез сочувствия. Какими же чудовищами нужно быть, чтобы сотворить подобное с ребенком!

В это же время под вирусными хэштегами в Сети всплыла короткая запись с камер наблюдения.

Качество видео было отличным. На кадрах грузный отец Шан замахивался на сына складным стулом, осыпая его проклятиями и требуя: «Отдавай деньги!». Юноша же даже не пытался защищаться, безропотно снося удары, будто такое обращение давно стало для него обыденностью.

Ролик разлетелся по пабликам со скоростью лесного пожара. Репосты исчислялись десятками тысяч.

А в павильоне Шан Хэн продолжал свою исповедь:

— Но я не держу на вас зла, — его голос окреп, а во взгляде больше не было прежней слабости. — Я согласился на это шоу только потому, что узнал о ваших долгах ростовщикам. Чтобы расплатиться по ним, мне пришлось отказаться от участия в важном кастинге моего агентства. Пусть надо мной смеются, пусть шансы мои равны нулю — я буду бороться до конца. Вы не любите меня, но я все равно благодарен вам за то, что вы меня вырастили.

Шан Хэн протянул руку и взял со стола детскую развивающую книжку, комплект яркой одежды для малышей и коробку с игрушками — товары, на которые раньше никто не обращал внимания.

— Пусть у каждого ребенка в этом мире будет счастливое детство. И пусть их любят по-настоящему.

Зал взорвался аплодисментами. Люди плакали, тронутые его искренностью и благородством.

Под ошеломленными взглядами организаторов и спонсоров счетчик заказов на трансляции Шан Хэна сошел с ума. Ненужные до этого детские вещи раскупались с невероятной скоростью. Настоящий потребительский взрыв!

Но это было лишь прелюдией.

В первом ряду партера Вэнь Жуйюнь, который до сих пор молча наблюдал за происходящим, вдруг поднял табличку. Он оформил оптовый заказ от имени своей компании, разом выкупив абсолютно все товары, что рекламировал Шан Хэн.

Сидевший рядом Фан Ян вздрогнул, не веря собственным глазам.

Президент Гу лишь усмехнулся и практически одновременно поднял свою табличку, выкупая остатки складов под маркой своей корпорации с указанием: «Все приобретенное направить в детские дома».

Благодаря двум этим гигантским сделкам Шан Хэн не просто догнал остальных участников, но и вырвался на первое место в рейтинге!

Скандал, грозивший похоронить репутацию новичка, обернулся его триумфом. Шоу завершилось полной и безоговорочной победой.

За полчаса до финального гонга эфир ушел на рекламную паузу.

Шан Хэн, ловко проскользнув мимо заседавших журналистов, укрылся в гримерной.

Не успел он перевести дух, как зазвонил его мобильный. На экране светилось имя киноимператора Линь Юйцина.

— Алло, я только что видел трансляцию, — раздался в трубке обеспокоенный голос актера. — Тебя действительно избивали? Это серьезно?

— Ну... — Шан Хэн потер переносицу, подбирая слова. — Не так страшно, как кажется.

— Ладно. Слушай, этот эфир принес тебе бешеную популярность, надо ковать железо, пока горячо. У меня есть лишнее приглашение на завтрашний благотворительный вечер в поместье Вейс. Я уже отправил его тебе курьером. Завтра пойдем вместе, я тебя представлю нужным людям.

Шан Хэн удивленно моргнул. Благотворительный вечер в поместье Вейс? Знакомое название, где-то он его уже встречал.

— Все, мне пора. Поздравляю с успешным эфиром!

— Постой, я...

В трубке раздались короткие гудки.

Он опустил руку. Но не прошло и пары минут, как аппарат завибрировал снова. На этот раз звонил Гу Линь.

— Это я, — раздался его низкий, привычно холодный голос.

— Слушаю, президент Гу, — приподнял бровь Шан Хэн. — Что-то случилось?

Тон Гу Линя казался небрежным, однако в голосе сквозило легкое замешательство:

— Я догадываюсь, кто стоит за этой травлей в сети. Это... косвенно связано со мной. Не подумай ничего такого, я не собирался вмешиваться ради тебя.

— И все же, президент Гу, к чему клоните? — вздохнул Шан Хэн.

После секундного колебания Гу Линь произнес:

— Завтра в поместье Вейс состоится крупный благотворительный вечер. Я пришлю тебе пригласительный билет и заеду за тобой. Считаю это скромной компенсацией.

— Президент Гу, вообще-то я...

— Договорились, — и в трубке снова зазвучали гудки. Гу Линь явно спешил закончить разговор.

Шан Хэн тупо уставился на экран.

«Это еще что за цирк?»

До конца перерыва оставалось совсем немного. Шан Хэн вытащил из кармана флакончик с глазными каплями, выбросил его в урну и придирчиво оглядел себя в зеркале: усталый вид, покрасневшие веки и идеальная грусть во взоре. Все шло как по маслу.

Довольный результатом, он распахнул дверь гримерной и едва не натолкнулся на высокую, статную фигуру, преграждавшую ему путь.

У него дрогнули веки.

— Господин Вэнь? Вы искали меня?

От Вэнь Жуйюня исходил тонкий, благородный аромат сандала. Свободно опустив одну руку в

карман брюк, он смотрел на юношу с мягким, глубоким вниманием.

Мужчина мягко улыбнулся, и в уголках его глаз пролегли едва заметные морщинки:

— Помнишь приглашение, которое я оставил тебе в прошлый раз? Завтра вечером за тобой заедет машина.

<http://bllate.org/book/20646/2146431>